Отгородиться от мира? Это невозможно!

Маркус КАЙЗЕР, немецкий социолог, размышляет о казахстанской модели, мигрантах в Европе и «Исламском государстве»

Окончание. Начало на стр. 1

Шаг в правильном направлении

– Господин профессор! Прежде всего давайте очертим круг ваших научных интересов...

– В Боннском университете существует Центр развивающихся стран, в котором я работаю. Руковожу отделом, который изучает Большую Центральную Азию. Поскольку по нашей терминологии в этот регион входят не только пять постсоветских стран, но и Пакистан, Афганистан, Монголия, юг Сибири и даже китайский Синьцзян.

– Как вы думаете, существует некая «казахстанская модель» или так считают только наши учёные-патриоты?

– Могу сказать, что в Германии нет таких организаций, как Ассамблея народа Казахстана...

– Нечто подобное есть в России. Но о работе этого института практически ничего не известно...

– Если же говорить о Германии, то какие-то параллели напрашиваются. На севере нашей страны есть земля Нижняя Саксония. Там уже в течение ряда лет весьма успешно работает региональная партия, защищающая интересы этнических датчан. Она представлена и в ландтаге. Но опыт Казахстана уникален и поучителен. Как я заметил, в вашей стране присутствуют националистические настроения. Люди, которые придерживаются этих взглядов – типа «Казахстан для казахов» – могут излагать их и в местной прессе, и на научных конференциях. Это нормально для демократической страны. Но в обществе должны существовать и альтернативные воззрения. Граждане, которые не разделяют националистическую идеологию, имеет свою организацию, издают книги и выступают в средствах массовой информации. Они выступают за толерантность и свободное развитие всех этносов, проживающих в Казахстане. И это тоже нормально. То, что Ассамблея народа Казахстана делегирует девять депутатов в нижнюю палату парламента – шаг в правильном направлении. Когда о Назарбаеве вспоминают на Западе, в той же Германии, всегда отмечают создание АНК. А также регулярные съезды лидеров мировых религий, где представители всех мировых конфессий свободно обсуждают насущные проблемы, которые стоят перед верующими разных стран. В Европе помнят, что Казахстан в целом неплохо справился с ролью председателя ОБСЕ в 2010 году. В российско-украинском конфликте вашей стране в какой-то мере удалось сыграть роль посредника. Визиты Нурсултана Назарбаева в Киев и Москву не прошли незамеченными для мирового сообщества. Причём об этом казахстанского президента просила лично канцлер ФРГ Ангела Меркель.

Две субкультуры

– Ассамблею формируют этнокультурные объединения. Председатель каждого из них попеременно становится заместителем председателя. Возглавляет АНК глава государства. Таким образом, её статус на протяжении всех двадцати лет остаётся стабильно высоким. Хотя некоторые казахстанские эксперты отмечают, что авторитет Назарбаева – практически единственная гарантия деятельности этой организации. Некоторые эксперты считают, что у нас общественные институты развиты слабо. А как учёные Европы оценивают ассамблею? Как говорится, со стороны виднее...

– Когда я разговариваю с казахстанцами, то многие из них с тревогой говорят: «Мы не знаем, что будет после Назарбаева». Даже коллеги в университете об этом откровенно говорят. Поскольку на президенте «завязаны» практически все вопросы в сфере политики, экономики, национальной безопасности. Не так давно я побывал в Алматы, где учёные и эксперты обсуждали «казахстанскую модель». Мне кажется, многие выступающие живописали деятельность АНК в несколько идеальном свете. Один из серьёзных вопросов – это адаптация оралманов в сегодняшнем Казахстане. Они трудно приживаются здесь уже потому, что не знают русского языка, который по-прежнему играет заметную роль в общественной жизни вашей страны. Да и с казахским языком не всё так просто. Они говорят с акцентом – это полбеды. Но оралманы не умеют писать на современном казахском языке, принятом на этнической родине. Поскольку выходцы из Китая, к примеру, пользуются арабской графикой, приезжие из Азербайджана, Узбекистана и Турции – латиницей. У меня есть знакомая, которая работает в международном отделе Евразийского национального университета. Этническая казашка, эмигрировала из Монголии. Очень хорошо говорит по-немецки, поскольку училась в Мюнхене. И старается не забывать немецкий язык. Поэтому в свободное время с удовольствием общается со мной. А вот русский язык ей пока не даётся, поэтому она испытывает некоторый дискомфорт в общении с коллегами. Ей повезло, что она нашла работу. Но так бывает далеко не всегда...

В молодёжной среде страны – и это тревожит многих казахстанцев – раздельно сосуществуют две параллельные субкультуры. Казахская и русская. Мне бы очень хотелось ошибиться, но боюсь, это может стать серьёзной проблемой в будущем. Как-то довелось побывать в одном рок-клубе Астаны. Я там увидел только казахские лица. Это не значит, что русских туда не пускают. Но они сами туда не идут, потому что все песни в клубе поют на казахском языке. Точно так же существуют клубы, в которые ходят преимущественно юноши и девушки славянской внешности. Другой пример, в университете имени Назарбаева в Астане контингент учащихся состоит по большей части из однородных казахов, в старом Евразийском национальном университете с этнической стороны больше разнообразия, что больше по душе. А вот на кафедре, где работают не только молодые учёные, но и люди среднего возраста, царит атмосфера дружбы и взаимопонимания между людьми разных национальностей. Моя коллега, доцент, по национальности русская, замужем за казахом. Она хорошо разговаривает на казахском языке. Но вот что я заметил: когда к нам приходят из ректората и собирают на совещание всех сотрудников кафедры, то разговор идёт только на казахском языке. Русские преподаватели не понимают, о чём речь, но молчат. Молчу и я, делаю вид, что сосредоточенно слушаю непонятную речь. Я иностранец, уеду и ладно. А им без знания государственного языка становится всё труднее. Кстати, такая же ситуация была и на конференции, о которой я уже говорил. Многие выступающие делали доклады на государственном языке, а русские коллеги скучали с отсутствующим видом. Всё-таки, надо было бы устроителям позаботиться о синхронном переводе. Тем более что разговор шёл о толерантности...

– Вспоминаю свою последнюю поездку в Германию. В Берлине проходила международная выставка по туризму. Наш микроавтобус колесил по городу. Мы, группа журналистов, осматривали достопримечательности. Остановились у какого-то магазинчика – купить сока и колы. Зашли внутрь. И увидели, что все покупатели смотрят на нас. Прекратились разговоры. Затихли споры. Все взгляды – на пришельцах. Сначала мы даже не поняли, где очутились. И только по красному с полумесяцем флагу в этом магазине поняли, что попали в турецкий квартал. Здесь были только турки. Газеты на турецком языке, вывески, товары из Турции. Молчание не было враждебным. Просто нам давали понять: мы это мы, а они это они. Разумеется, мы поспешили убраться. Скажите, а для немцев есть проблемы во взаимоотношениях с турецкой диаспорой? Понятно, когда во Францию приезжают иммигранты из бывших колоний – Алжира, Туниса, Марокко. Но Турция никогда не была колонией Германии. Существуют ли какие-то политические партии, которые защищают интересы этнических турок?

– Нет, таких партий в нашей стране нет. Но этнические турки представлены в парламенте. Я учился в аспирантуре в городе Билефельде. Там вице-бургомистр этнический турок. В партии «зелёных» один из лидеров – тоже. Но он гражданин Германии, родился уже в нашей стране. Его родители эмигрировали в ФРГ. И он говорит по-немецки легко и свободно. Более того, со швабским акцентом. Это южная земля Баден-Вюртемберг. Немецкий язык у швабцев звучит мягче и мелодичнее. Я преподаю в Боннском университете. И в моей группе есть студенты – этнические турки. Они все прекрасно говорят по-немецки. На немецком языке пишут курсовые и дипломные работы. Конечно, для старшего поколения это серьёзная проблема. Многие из них так и не сумели интегрироваться в германское общество. Прежде всего это относится к рабочим заводов и фабрик, где общение с немцами сведено к минимуму фраз. Как правило, они выполняют несложные операции. Турки, к примеру, трудятся в компаниях «Фольксваген», «Мерседес», «Сименс». Как правило, это хорошие работники и ответственные граждане нашей страны. Они аккуратно платят налоги, имеют медицинскую страховку. Сейчас в Германии проживают около трёх миллионов этнических турок. Впрочем, статистика всегда приблизительна, поскольку многие получили немецкое гражданство. В спорте ФРГ гражданство не упоминается, поэтому статистические данные опираются на ответы в национальных опросах. К слову, в последнее время государство организует специальные курсы, на которых изучают Конституцию страны, её историю и политическое устройство. Если вы не окончите такие курсы, то не получите разрешения на работу, паспорт, социальное обеспечение и медицинскую страховку. Раньше эмигранты приезжали в чужую страну и жили в изолированном мире. Они не читали местные газеты и не интересовались жизнью страны. Теперь эта ситуация меняется в лучшую сторону.

Ислам как часть немецкой цивилизации

– Наверное, этот процесс идёт не совсем ровно. Я напомню, как несколько лет назад не только в Германии, но и в целом в Европе много шума наделала книга известного немецкого политика Тило Сарацина. В своём исследовании он предсказывал скорый закат германской нации, связанный как раз-таки с турецким присутствием вообще и с мусульманским фактором в частности. Естественно, я не разделяю его взглядов. Но вот что странно: Сарацина выгнали с работы, хотели исключить из социал-демократической партии. А где же хвалёная европейская политкорректность и уважение к чужой точке зрения?

– Всё не так просто. Тило Сарацин вообще-то известный политик, это правда. Он работал министром финансов в земельном правительстве, в Берлине. Но в то время, когда вышла его скандальная книга, он занимал довольно крупный пост в Национальном банке ФРГ. Где по неписаным законам должен был заниматься только финансами и не высказываться по политическим вопросам. Он нарушил корпоративную этику. Вот за что его уволили.

– Ну а если по существу? Есть ли угроза немецкой культуре, обычаям и традициям?

– Нет, я так не считаю. Если даже выходцев из Турции будет не три миллиона, а десять или пятнадцать, они не смогут «растворить» немецкую цивилизацию. Тем более что они уже её часть. Тило Сарацин пишет о том, что в турецких семьях больше детей, чем в немецких. Это так. Значит, надо скорректировать демографическую политику. Поддерживать многодетные семьи, чтобы немки могли рожать не одного ребёнка. А трёх-четырёх...

– Это же нереально! Разве можно поддерживать только немок? Представляю, как отреагирует на этот шаг вся Европа и первым делом Брюссель...

– Нет, конечно же, о целенаправленной поддержке немецких мам – в отличие от турецких – речи быть не может. Но давно известно: чем выше образование, тем меньше детей в семье. Нужны какие-то стимулы, чтобы устранить это противоречие. К примеру, преподаватель университета рожает ребёнка, уходит в декретный отпуск. Она должна быть твёрдо уверена в том, что за ней сохранят её рабочее место – и два, и три года. А может быть, и пять лет. И, конечно, также в частном бизнес-секторе. Сейчас женщины стремятся делать карьеру, а семейные ценности у них на втором плане. Надо что-то решать. Такие же проблемы во Франции, в Японии. Другой аспект: Тило Сарацин указывает на бесспорный факт: сейчас в Германии больше мечетей, нежели раньше. Но создаёт ли это угрозу для простых немцев? Я думаю, что нет. Бывший президент ФРГ Кристиан Вульф, канцлер Ангела Меркель неоднократно подчёркивали, что ислам – это часть нашей страны. Конечно, в отличие, скажем, от Испании или Португалии, некоторых балканских стран, в Германии влияния ислама раньше не ощущалось. Но в связи с массовой миграцией турок в послевоенную Германию исламский фактор появился сам собой. И глупо это отрицать.

– Не так давно в Санкт-Петербурге прошёл форум консервативных сил, где присутствовали делегаты от правых партий Европы. И, насколько я могу судить по отрывочным сведениям, попавшим в интернет, среди них было немало политиков, разделяющих взгляды Тило Сарацина. Но странное дело! Мы все знаем о существовании во Франции Национального фронта во главе с харизматичной Марин Ле Пэн. А в Германии существуют ли подобные политические силы?

– Безусловно, они есть. Но эти партии малочисленны и малоэффективны. При этом – и это надо признать откровенно – у нас нет такого яркого политика на правом фланге, как мадам Ле Пэн во Франции. Она депутат Европарламента, на ней лежит отсвет популярности её отца, который, собственно, и создавал Национальный фронт. У нас есть национал-демократическая партия, но она не представлена в бундестаге. Правда, представители НДП входят в парламенты некоторых земель. В частности, на местных выборах в Саксонии они обычно набирают до 10 процентов голосов. Не так давно появилась партия АФД («Альтернатива для Германии»). Это объединение правоконсервативных сил, но не слишком радикальное. Достаточно сказать, что её возглавляют вполне интеллигентные люди: университетский профессор-экономист Бернд Люкке, предприниматель Фрауке Петри и журналист Конрад Адам. АФД выступает против неконтролируемой миграции из восточноевропейских стран. У этой партии немало сторонников. Почему? У нас наблюдается такая картина. Приезжают мигранты из Румынии, Болгарии, республик бывшей Югославии. Перебиваются случайными заработками или вообще не работают, а живут на социальное пособие. Это явление стало массовым, благосостояние бюджета на всех уровнях испытывает в связи с этим колоссальные перегрузки. А в некоторых городах, где они проживают большими группами, в этом случае это проблема на уровне общин. Кроме того, АФД выступает против евроинтеграции и, следовательно, против евро. Они говорят: «Мы, немцы, не должны расплачиваться за греков». Я думаю, что в демократическом обществе такие мнения могут существовать. Это не страшно. Тем более что за АФД голосуют обычно всего 5–7 процентов избирателей ФРГ. Сейчас партия представлена в европейском парламенте, и полагаю, что на следующих парламентских выборах в Германии (они состоятся в 2017 году) АФД пройдёт в бундестаг. На правом секторе находится и движение «Пегида», которое выступает против чрезмерной исламизации нашей страны. Они считают, что ислам представляет реальную опасность для Германии. Митинги, которые собирает это движение, представители насчитывают до 50 тысяч человек. Эти люди не экстремисты. Они законопослушные граждане. В основном, представители старшего поколения. Они, как правило, неплохо обеспечены: дом, машина, высокая пенсия. Это средний класс. Как объясняют сторонники «Пегиды», на митинги они выходят потому, что обеспокоены будущим своих детей. Они говорят, что участие в Евросоюзе – это неоправданный риск. Они не хотят, чтобы молодые немцы умирали в Афганистане за непонятные идеи «североатлантической солидарности». Они мечтают жить в Германии образца восьмидесятых годов, отгородившись от проблем мира. Хотя, это конечно, невозможно...

Закон превыше всего

– Сегодня много говорят и пишут про «Исламское государство». Я недавно прочитал, что за так называемый «исламский халифат» воюют граждане 80 стран, в том числе европейских. «Отметились» там уроженцы Германии и Казахстана. Многие эксперты предсказывают, что, вернувшись в родные края, профессионально обученные «солдаты джихада» могут принести немало бед своим соотечественникам, которые не разделяют их веры и устремлений. Как в Германии относятся к этой опасности?

– Об этом говорят на правительственном уровне. С некрывавшейся тревогой пишет пресса. У нас принят такой закон: у лиц, подозреваемых в экстремизме, могут изъять паспорт. Чтобы он не мог попасть в зону боевых действий. Также поступают правоохранительные органы и других европейских стран. В частности, Франции. Но проблема заключается в том, что многие будущие «воины джихада» до поры вполне законопослушные граждане ФРГ. Они просто посещают мечети и молятся. И часто нет никаких оснований для того, чтобы лишить человека его законного права выехать за рубеж. Он говорит, что едет отдыхать в Турцию. А там переходит сирийскую границу. И вот уже в рядах исламистов появляется новый «солдат джихада». По данным, которые просочились в прессу, сейчас за «Исламское государство» воюют более 700 граждан ФРГ. Среди них немало женщин.

– Идеи салафитов всё больше овладевают миром, вы не находите?

– Вы правы. И это весьма беспокоит моих соотечественников. Раньше даже в такой мусульманской стране, как Турция, идеи салафизма не получали большого распространения. А для европейцев они стали головной болью. Долгое время мы старались не замечать этой опасности. Думали, что атмосфера либерализма и мультикультурализма «перемелет» чуждые европейскому духу настроения. Но этого не произошло. Поэтому власти страны занялись проблемой вплотную. В четырёх университетах страны изучают ислам. Вот уже пять лет мы готовим имамов в Германии. Когда они приезжали из стран, где сильны салафитские идеи, то соответствующим образом настраивали своих прихожан.

– Вернёмся в Казахстан. Как вы считаете, что нужно сделать, чтобы повысить узнаваемость страны, улучшить её имидж?

– Уже делается немало. Казахстан за время своей независимости превратился в открытую страну, где не боятся дискутировать и высказывать свою точку зрения, где без всякого опасения относятся к иностранцам. В своей работе я могу рассчитывать на поддержку и ректора, помощь заведующего кафедрой и дружеские советы коллег. В университете трудятся около 40 иностранных учёных, и мы всегда на виду. Нас приглашают на научно-практические конференции, интересуются нашей позицией по тому или иному вопросу. Наших зарубежных профессоров публикуют в научных сборниках, которые выходят в Казахстане. Я двумя руками за программу «Болашак». Будущие магистры и доктора PhD имеют возможность посетить Европу и Америку, что, безусловно, расширяет их кругозор. Преподавание во многих казахстанских вузах ведётся не только на казахском и русском, но и на английском языке. Что помогает юношам и девушкам проникнуться идеями глобального мира. Сам я читаю курс лекций на английском языке. А моя группа в полном составе побывала на стажировке в городе Лионе. Там преподаёт мой коллега профессор Аскар Жумагалиев из Казахстана. Он женат на француженке, но не прерывает связей со своей родиной. Казахстанские студенты испытали светский образ жизни во Франции, где религия в государственных учреждениях не должна играть свою роль.

– Во Франции мусульманская общественность постоянно «сражается» с правительством страны, требует разрешить хиджабы в университетах, больницах и школах. Но им заявляют: это светская страна.

– В России и в Казахстане, как я заметил, к этой части одежды мусульманок относятся без энтузиазма. Ректорат нашего университета обращал внимание, что нельзя допускать религиозной агитации исламистов в студенческих общежитиях, которое в данное время имеет место быть. Он попросил сотрудников, проявить бдительность по этому вопросу. А вот в Германии к подобным проявлениям религии отношение более терпимое. Федеральный конституционный суд разрешил ношение хиджаба даже преподавательницам в университетах и школах. Я считаю, при обсуждении этого вопроса необходима деликатность и понимание. Но на первом месте должен стоять закон. Если в стране приняты какие-то законодательные акты по этому поводу, все граждане должны подчиниться – без оглядок на своё вероисповедание.

Беседовал АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ

Республика Казахстан – Федеративная Республика Германия

ИЗ ДОСЬЕ «ВМ»

МАРКУС КАЙЗЕР

Родился 5 сентября 1968 года в городе Констанце, земля Баден-Вюртемберг. Там же окончил среднюю школу. Учился в Свободном университете в Берлине. Получил специальность «политология». Защитил докторскую диссертацию в Билефельдском университете. В настоящее время старший научный сотрудник Боннского университета. В 2014–2015 годах преподавал по контракту на кафедре социологии в Евразийском национальном университете имени Льва Гумилёва (Астана, Республика Казахстан). Специалист по Восточной Европе и Центральной Азии. Активно публикуется в научных журналах и сборниках. Холост. Имеет сына.